

16.04.06

27

16

Робертино Лоретти впервые побывал в России в 1989 году

Лоретти ежедневно получал по четыре мешка писем от наших соотечественников

Голос взрослого Робертино не похож на его голос в юности: сейчас у него драматический тенор

РУССКИЙ КУРЬЕР 14 (547) 10 – 16 апреля 2006 года - С.16.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

Я уже часть русской истории...

Итальянский вундеркинд Робертино Лоретти вновь мечтает стать лидером продаж в России

КАК НА ДУХУ

Робертино Лоретти, настоящий итальянец, экспрессивный и изменившийся до неузнаваемости. И только глаза... Те самые, из эпохи уже пожелтевших газет и черно-белых телевизоров.

– Говорят, вы в Москве с частным визитом?

– С туром, даю концерты для тех, кто любит итальянскую культуру. Оказывается, такие есть и в российской глубинке. Очень приятно там бывать. В Москве мы готовим новый проект – соединяем классику и модерн в новом звучании. Чтобы и молодежь могла потанцевать под «Джамайку», и пенсионеры послушать те классические произведения, которые помнят с давних времен. Не хочет публика отпирать меня на пенсию.

– Готовитесь снова побить рекорды по тиражам?

– А почему нет? На сегодняшний день у меня уже четыре золотых диска – в Японии, Австралии, Америке.

– Интересно, как чувствует себя человек, попавший в 13 лет на гробень мировой славы?

– Этот вопрос мне задают все. В 13 лет я развлекался – просто пел, и больше ничего меня не интересовало. Каждый концерт превращался в миллион развлечений: истерики, поклонники, одно сплошное удовольствие. Так длилось около пяти месяцев. Потом стало тяжело: я давал по два-три концерта в день, учился в школе, у меня не было времени даже поиграть. Миллионы дисков, лидерство в европейских хит-парадах. Случалось, я обгонял по продажам Клиффа Ричарда и даже «великую американскую машину» Элвиса Пресли. Ну, в Америке другая система промоушна, там умеют из мухи делать слона. Однако в то время люди действительно сходили с ума по Робертино Лоретти. В Советском Союзе я поставил рекорд, который никто не побил, – 56 миллионов проданных дисков. Вы знаете, Гагарин

В 60-х «солнечный мальчик» был нарасхват во всех странах.

ФОТО ИТАР-ТАСС

ДОСЬЕ

Робертино ЛОРЕТТИ родился 22 октября 1947 года в Риме. На рубеже 60-х покорил мир исполнением «Джамайки», «Вернись в Сорренто» и другими песнями, ставшими шлягерами. В 1964 году блестяще выступил в Сан-Ремо с песней «Маленький поцелуй». С 1973 года оставил на время пение, занимался кинопродюсированием и даже торговлей. В конце 1980-х певец вновь напомнил о себе, записав альбом национальных итальянских песен. В Риме он живет по соседству со знаменитой итальянской актрисой Софи Лорен. Владеет клубом, баром и рестораном, разводит породистых лошадей. У Лоретти двое детей от первого брака и сын от второго.

и Валентина Терешкова приглашали меня в гости. Я уже часть вашей истории. Мне очень нравится разговаривать с русской аудиторией.

В прошлом году в Америке, в театре «Миллениум» я дал три концерта за выходные. Зал был переполнен русскими. В этом же театре через две недели начинались концерты шести итальянских поп-звезд – Тотто Кутуньо, Пуло, Рикардо Фольи, Фьордо Лизо, Фольо, Испанья... Я спросил организатора: «Как дела, как продажи?» Он ответил: «Продал только первый ряд». Импресарио готов был застрелиться, потому что стоимость артистов была огромной. Артист – это не тот, который сумел засветиться за год. С какой скоростью ты поднялся вверх, с той же и падаешь вниз. Настоящее явление – когда об артисте говорят и после смерти.

– Весь мир в свое время следил за тем, как у Робертино Лоретти ломался голос...

– Обычно когда у юного певца меняется голос – для него все закончено, это как цветок, который распустился и увял. В 16 лет мой голос перешел на бас. Я был в тот период ни рыбой, ни мясом. Но продолжал искать себя, учился, начал заниматься по-новому. И с 18 лет запел снова. Вот уже сорок пять лет прошло, а я до сих пор

на сцене. Моя миссия – умереть с микрофоном в руке.

– Советские газеты писали, что нехороший менеджер-капиталист заставлял Робертино петь, когда ломка голоса уже началась.

– Это были контракты, подписанные за два года до Франции, где я должен был выступать: Париж, Бордо, петь со знаменитостями, на телевидении, с Шарлем Азнавуром. Там стояли километровые очереди за билетами, когда я сказал импресарио: «Не могу петь, хоть убейте». И мой импресарио исчез, с тех пор я его не видел, уже тридцать лет никто не видел – потому что деньги-то он собрал по контрактам со всего мира. И то, что у меня ломался голос, никто, кроме него, не знал. А он исчез. Я подал иск, но это уже история...

– А еще в нашей прессе тогда писали, что Робертино не мог учиться в музыкальной школе, так как был вынужден работать по ресторанам.

– В 5–6 лет я действительно пел по ресторанам. Но не для заработка, а для удовольствия.

– Истории с вундеркиндами часто заканчивались трагически...

– Как Хоселито. Вы помните Хоселито? Это гениальный маленький испанский мальчик, который очень хорошо пел, его диски продавались по всему миру.

Ему не было даже 12 лет, у него было сопрано, потрясающий голос. Я-то вырос, а он остался навсегда маленьким. Его жизнь была разрушена, когда его голос сломался в 20 лет, он был уже взрослым человеком. Последнее, что я о нем слышал: он как будто бы оказался замешан в какой-то истории с наркотиками и попал в тюрьму.

– Считается, что вундеркинды, которые многого добились в юном возрасте, – продукты жесткого целенаправленного воспитания. В вашем случае это так?

– Нет, я даже еще не разговаривал толком, но уже идеально пел. Меня и дома и в школе ругали, что вместо того, чтобы заниматься уроками, я напеваю. Помню, когда я был маленьким, мне приснилась Дева Мария, которая сказала, что я стану великим человеком и люди будут ко мне тянуться. Нечто похожее и произошло. Нас было десять человек в семье, мы вечно голодали. Мой отец был рабочим, он работал в ресторанах. Я ничего от него не получил. Я был, как алмаз, который нужно было обработать, но никто этого рядом со мной не умел. Я просто чувствовал свой дар.

– Слава – тяжелое бремя?

– Вспоминаю прошлое не как реальность, а скорее, как сон... Помню людей, которые плакали, когда я выходил на сцену, кидались на меня со всех сторон. В Финляндии были дни, когда особенно хорошо пелось. Все пытались за меня ухватиться, я звал на помощь, мне стало плохо, потерял

сознание. И меня просто подняли на руки. А потом приехали полицейские грузовики, и все уладилось. Раньше обувь оставляли перед дверью. Не помню точно, сколько же у меня башмаков украли! Однажды у одного японца – магната электронной компании при переезде сломался мой диск. Сборник лучших песен. Он хранил его как зеницу ока, как реликвию. Он дал объявление в газете, где предлагал огромные деньги за такой же. Через несколько месяцев ему позвонил человек и спросил, сколько тот заплатит. «А что вы хотите за него?» – уточнил магнат. «Как насчет тысячи долларов?» – «Я тебе дам десять тысяч, только принеси срочно». До того момента никто не мог похвастаться диском, который стоил бы 10 тысяч долларов.

– Вашему сыну Лоренцо уже тринадцать...

– И у него тот же голос! У него нет ни опыта, ничего, он поет только дома, когда меня нет. Как-то он напросился со мной на передачу. Я сначала возражал: «Давай не будем играть, что за шутки?». Но взял. И там он вдруг говорит: «Хочу спеть с тобой «О соле мио». Ты, папа, начинай, а я закончу». Я ему: «Только попробуй меня опозорить!» Начинаю петь и вдруг слышу, что он поет точно так, как я в детстве. Потом он признался, что дома учится по моим песням. Мой импресарио предлагал сделать совместный номер, чтобы он пел со мной пару песен на концертах. Но дома мы решили иначе: зачем семье второй Робертино Лоретти? Пусть научится петь по-своему.

Синьора Лоретти до сих пор тянет в российскую глубинку. ФОТО ПЕТРА СИДОРОВА

Гагарин и Валентина Терешкова приглашали меня в гости